

«Обыкновенная история» И. Гончарова в постановке театра «Современник». Слева направо: начальник департамента — артист Ю. Комаров, Елизавета Александровна — артистка Е. Козелькова, чиновник — артист И. Чайка.
Рис. художника Р. ЛЕВИЦКОГО.

ПОЧТИ в любом перечне актеров, не просто играющих на сцене сегодня, но выразивших что-то действительно важное в современной жизни, можно встретить имя актера театра «Современник» Евгения Евстигнеева.

Писать о заслуженном артисте РСФСР Евстигнееве очень трудно: общие слова «талант», «ум», «интеллигентность», «жизненность», оторванные от непосредственных черточек его облика, теряются и вянут. Его герои, как бы велик ни был текст роли, при всех их различиях, кажутся немногословными — так удивительно спокойно и впитывающе, будто преображаясь с каждым прошедшим через него словом, он умеет прежде всего слушать.

К Евстигнееву можно применить замечание К. С. Станиславского:

«Знаете ли вы таких актеров, которым стоит только появиться на сцене и зрители их уже любят. За что? За красоту? Но очень часто ее нет. За голос? И он нередко отсутствует. За что же? За то неуловимое свойство, которое мы называем обаянием».

Он появляется на сцене тихо, иногда незаметно. Ничего не испроверяет, ни о чем не кричит. И ничего не втолковывает, ничего не разъясняет зрителям. Просто рассказывает, показывает и убеждает.

Евстигнеев пользуется минимальным гримом в большинстве ролей, поэтому знакомая улыбка, характерный жест плечами или закусенная губа могут быть узнаваемыми в разных ролях. Они могут проглядывать, когда на сцене появляются навязный и нелепый «голый» король или жестокий император Александр II, Сатин или нарком Луначарский. Появится Евгений Евстигнеев, и снова он и не он, аккто-то, лишь внешне похожий на него. Мало того, зрители не только наблюдают характеры разных людей, создаваемые актером, но и могут ощутить его отношение к своим героям.

Актёр говорит: — По-моему, без ясно выраженного моего отношения к образу характер героя на сцене будет неполным. А бывает и так: я играю, и вдруг какую-то реплику, написанную автором, говорю уже о себе. Вот я в образе своего героя — но вот у меня появляется необходимость от своего лица высказать что-то особенно важное. Зритель этого моего «раздвоения» может и не заметить. Просто появится иная глубина, объемность образа.

Такая позиция актера очень важна, когда речь идет, например, о роли «просто хорошего» человека Сер-

гея Усова в «Традиционном сборе» В. Розова. Актёр по-человечески любит своего героя, и вместе со зрителями то с лукавой улыбкой, то с сочувствием, то с горечью, то с гордостью наблюдает за ним, с разных сторон показывает его.

В самом начале трудного разговора с его бывшей женой Агнией после нескольких лет разлуки, она в который раз интересуется профессией Сергея: «Значит, начальник строительства?». Ответ Сергея — «А тебе бы хо-

нающее о себе лишь отдаленной привычкой к примечательной порядочной жизни, отражается сейчас только уродливыми и комичными штрихами, как в кривом зеркале: он сыплет «мудренными» словечками, выходя из ночлежки, напяливает бесформенную, но все-таки шляпу, порывав на нарах, достает щетку и чистит ею бывшие белые туфли.

И все-таки Евстигнеев, пожалуй, первый исполнитель этой роли, для которого слова о свободном человеке, его

мы все», — потому что чувствует все психологическое несовершенство человека, каким он его видит...

Проступающая в роли позиция актера подчеркнет и контраст между нынешним состоянием Сатина и его нереализованными возможностями, и вину его героя перед самим собой, и неизбежность, и безвыходность его положения в данных социальных условиях.

Нередко, говоря об уже сделанном актером, пытаются определить, что еще он мог бы сыграть. В отношении Евстигнеева какие бы то ни было прогнозы бесполезны. Его трудно представить себе во многих из уже известных его ролей — и практически можно в любой. Неожиданность возможностей — одна из важнейших черт его индивидуальности. Актёр говорит, что любит сниматься в кино. И характерно, что во многих киноролях, даже сходных по амплуа (таким будет и его будущий герой — скользкий предатель Штубе в фильме А. Салтыкова по «Разлому» Лавренива), он постоянно разнообразит оттенки и психологические ходы — от Дынина в «Добро пожаловать» до Кореико из «Золотого теленка».

Об этом же можно судить и по разнообразию театральных планов его: если заглядывать подальше — то это шекспировский Полоний и Фамусов, а в будущем сезоне — Санчо Панса из новой комедии Александра Володина «Дульсинья Тобосская».

— Санчо Пансу Володин так и писал для меня, Дон Кихота — для Ефремова, Дульсиню — для Дорошиной.

Евстигнеев — актер, чутко чувствующий время, потребности зрителей:

— Важно прежде всего чувствовать, что нужно зрительному залу, чего он ждет от нас.

Первые встречи актера с ташкентской публикой. Первые впечатления от нового города, новых людей...

— Зрители в общем-то на каждом спектакле новые, даже если мы играем у себя дома, а не на гастролях. Всегда важно не поддаться прямолинейной реакции. В нашем театре доверяют зрителям, считают, что нужно обладать мужеством убедить их в том, что самим нам кажется важным...

Снова выходит на сцену актер, современный до мозга костей, не заигрывающий со зрителями, а говорящий с ними уважительно и на равных, вместе с ними размышляющий и волнующийся — выходит на сцену Евгений Евстигнеев.

Т. РАБИНА.

«СОВРЕМЕНИК» В ТАШКЕНТЕ

НЕОЖИДАННОСТЬ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Интервью дает Евгений Евстигнеев

телось?» — звучит с совершенно неожиданной интонацией, как будто он спрашивает маленькую девочку о желанной игрушке, готовый подарить ее. На секунду отраженным светом возник из прошлого тон влюбленного Сергея Усова — и кажется, что на него с нежностью взглядывает актер.

В чутком внимании к людям, готовности понять, а не осудить с первого взгляда, желаний (да и способности) помочь людям разобраться в себе — в этих, особенно подчеркнутых актером качествах и прoustупает Сергей Усов, тот самый очень хороший человек, о котором Евстигнеев говорит как о своем любимом герое.

Но вот другой герой Евстигнеева, появившийся на сцене почти одновременно с Сергеем Усовым — Сатин из горьковского «На дне». Человек, действительно, не просто познавший, но срощенный с жизнью общественного «дна», ставший его неотъемлемой частью — и все же не до конца потерявший себя. Его прошлое, напоми-

нающее о себе лишь отдаленной привычкой к примечательной порядочной жизни, отражается сейчас только уродливыми и комичными штрихами, как в кривом зеркале: он сыплет «мудренными» словечками, выходя из ночлежки, напяливает бесформенную, но все-таки шляпу, порывав на нарах, достает щетку и чистит ею бывшие белые туфли.

И все-таки Евстигнеев, пожалуй, первый исполнитель этой роли, для которого слова о свободном человеке, его сила, его разуме — не только продуманные (а они произносятся как что-то, давно бывшее подспудно и теперь лишь обретающее цельную форму), но и как остро почувствованные, не как риторическое заклинание, а как необходимые для жизни, а потому особенно серьезные и естественные выводы. Этот Сатин так и не растворяется до конца в грубом и крикливом быте ночлежки. И часто сквозь пьяные выходы опустившегося человека прорывается пронзительный и взгляд, оценивающий, притягивающий, почти гипнотизирующий.

— Наш Сатин, — говорит Евстигнеев, — не похож на Сатина других спектаклей. Сейчас его уже нельзя играть так, как играли раньше. В 1903 году появился на мхатовской сцене романтический босняк, произносивший патетические речи, и он был выражением протеста, требованием времени. Сейчас его «живописные» ломотья не должны выглядеть маскарадом. Мне важно показать, что Сатин действительно вор, шулер, бесчестный человек, прочно застрявший на «дне». Он превратился именно в такого. Но ведь именно этот босняк будет говорить серьезные вещи. Он говорит: «Человек — это не ты, не я... Это